

INSPIRIA

ВЫЖИВШИЕ

«Погружение в эмоциональный лабиринт.
До слез – о трех братьях. О мужчинах, которыми они стали.
О мальчиках, которыми они были. О невинности, которую
они потеряли. Блестяще, незабываемо».

ФРЕДРИК БАКМАН

АЛЕКС
ШУЛЬМАН

INSPIRIA

Novel. Серьезный роман

Алекс Шульман

Выжившие

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

Шульман А.

Выжившие / А. Шульман — «Эксмо», 2020 — (Novel. Серьезный роман)

ISBN 978-5-04-160165-2

Впервые на русском. Алекс Шульман — номинант на национальную премию Svenska Dagbladet 2020. Психологический роман об отношениях внутри семьи, заслуживший положительные рецензии от критиков и переведенный на несколько европейских языков. Бенжамин, Нильс и Пьер — три брата, у которых издавна нелады в отношениях. Однако им приходится собраться в загородном доме родителей, чтобы развеять прах умершей матери.

Братья не посещали это место очень давно. Потому что никто из них не хотел бы повторить детские годы. Особенно Бенжамин, страдающий синдромом дереализации и не уверенный, что в его изменчивой жизни — истина. Собравшись вместе, братья вынуждены заново пережить детство и сделать для себя несколько тревожных открытий. «Это книга для тех, кто психически не травмирован или у кого «толстая кожа», а также развито умение дистанцироваться от личных переживаний. Потому что стиль интересен именно своей нарочитой жесткостью». — femina.se

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-160165-2

© Шульман А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алекс Шульман

Выжившие

© Юченкова А., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть 1

Загородный дом

Глава 1

23:59

Полицейский автомобиль медленно пробирается сквозь заросли по узкой дорожке к участку. Вот и загородный дом, одиноко стоящий, проглядывающий сквозь неплотные сумерки июньской ночи. Простой деревянный дом, немного кривоватый, неправильных пропорций, он кажется выше, чем нужно. Белые уголки поблекли, красная краска на стенах южной стороны выгорела. Черепица заросла травой, крыша напоминает кожу доисторического животного. Ветер стих, похолодало, стекла запотели. Лишь окно верхнего этажа светится ярко-желтым светом.

А там, внизу, озеро, темное, тихое, у самой кромки воды растут березы. Баня, в которой мальчики мылись вместе с отцом летними вечерами, а затем осторожно спускались к воде, наступая на острые камни, балансируя вытянутыми руками, словно на распятии. «Хорошо!» – рычал отец, первым бросаясь в воду, и его рык долго звенел над озером, а потом наступала тишина. Такая тишина бывает лишь в глуши, вдалеке от других людей, от этой тишины Бенжамину иногда становилось страшно, а иногда казалось, что все вокруг слушает их.

Чуть дальше у самой воды стоит лодочный сарай, дерево потемнело, а вся конструкция накренилась к воде. Чуть выше – амбар, балки изъедены миллионами термитов, а цементный пол изгажен животными, приходившими сюда последние семьдесят лет. Между амбаром и домом небольшая площадка, где мальчики играли в футбол. Она неровная, так что тот, кто стоял спиной к озеру, все время был вынужден бегать вверх.

Таково место действия: несколько маленьких строений на полянке, сзади лес, впереди вода. Непрístupный уголок, такой же глухой, как и раньше. Если отойти подальше и посмотреть в эту сторону, вообще не увидишь никаких следов человека. Изредка дети слышали приглушенные звуки работающего на низких оборотах двигателя – по грунтовой дороге на другом берегу озера проезжала машина, в сухие летние деньки замечали дымок, поднимавшийся над лесом. Но они никогда никого не видели в этом уголке, который они почти не покидали и куда никто никогда не приезжал, они были совсем одни. Впрочем, однажды они видели охотника. Мальчики играли в лесу и внезапно наткнулись на него. Седой мужчина в зеленом бесшумно проскользнул между деревьями метрах в двадцати от них. Поравнявшись с мальчиками, он равнодушно взглянул на них, приложил палец к губам и исчез в чаще леса. Они ничего о нем так и не узнали, как о мистическом метеорите, подобравшемся слишком близко к земле, но пролетевшем мимо. Мальчики никогда не говорили о нем, и Бенжамину даже иногда казалось, что этого и вовсе не было.

Солнце село два часа назад, полицейский автомобиль осторожно пробирается по дорожке. Водитель оглядывается, пытаясь разглядеть, какой след остается за ним, а потом перегибается через руль, пытаясь увидеть что-то наверху, но деревья заслоняют весь вид. Невысокой высоты ели поднимаются выше крыши дома. Еще когда мальчики были маленькими, ели уже были огромными, а уж теперь и подавно. Они тянутся вверх на тридцать-сорок метров. Отец всегда гордился местной растительностью, как будто в этом была его заслуга. Но сам он всего лишь бросал в землю семена редиса в начале июня, а через пару недель приводил детей на огород, чтобы посмотреть на показавшиеся из земли розоватые колобки. Сейчас вокруг дома почти ничего не растет, местами трава полностью вытоптана. Яблоня, которую папа подарил

маме на день рождения, никуда не делась, вот только почти не выросла и совсем не плодоносит. Кое-где почва тяжелая, черная, без камней, в других местах горные породы лежат очень близко, почти сразу же под травой. Отец устанавливал загон для кур и копал землю, иногда лопата мягко и легко входила в насытившуюся дождем траву, а иногда сразу же упиралась в камень, и отец вскрикивал, его руки дрожали, сражаясь с неподатливой землей.

Полицейский выходит из машины. Привычным движением приглушает рацию на плече, которая продолжает свое бесконечное щебетание. Он высокий. В темной форме кажется очень внушительным, по земле ступает тяжело.

Синие проблесковые маячки отражаются в высоких деревьях.

Сцена крайне живописная: синие горы над озером, синий свет полицейской мигалки.

Полицейский шагает к дому и останавливается. Нерешительно осматривается. На ступеньках, ведущих к дому, сидят трое мужчин. Они плачут и обнимаются. Все одеты в костюмы, на шеях галстуки. На траве перед ними урна с прахом. Он встречается глазами с одним из мужчин, тот встает. Двое других сидят, прижавшись друг к другу. Они в крови, сильно избиты, полицейский понимает, почему, кроме него, сюда едет «Скорая».

– Меня зовут Бенжамин. Это я вам звонил.

Полицейский шарит в карманах в поисках блокнота. Он еще не знает, что эту историю вряд ли можно записать на бумаге, не знает, что сейчас перед ним предстает финал длящейся уже много десятилетий истории о трех братьях, которые давным-давно сбежали отсюда, но были вынуждены вернуться. Все здесь так запутано, все переплетено. Сейчас происходит кое-что очень важное, но на самом деле все случилось давным-давно. Сидящие на ступеньках плачущие братья, их опухшие окровавленные лица – лишь последний круг на воде, оставленный тем, что произошло очень-очень давно.

Глава 2

Соревнование по плаванию

По вечерам Бенжамин с сачком и ведром стоял у воды чуть выше того места, где сидели мама и папа. Они следовали за вечерним солнцем, двигая стулья и стол, когда те попадали в тень. Медленно отодвигались от сумерек. Под столом сидела Молли, собачка, и с удивлением следила за тем, как исчезает ее тень, а потом брела за остальными вдоль кромки воды. Сейчас родители добрались до конечной станции; они наблюдали, как солнце опускается за верхушки деревьев на другом берегу озера. Они всегда сидели рядом, плечом к плечу, так, чтобы смотреть на воду. Белые пластиковые стулья утопали в высокой траве, маленький деревянный столик, на который они ставили стаканы с пивом, поблескивал на вечернем солнце. Разделочная доска с палкой салами, куском мортаделлы и редиской. На траве между ними – сумка-холодильник, в которой охлаждалась водка. Перед тем как глотнуть, папа каждый раз коротко выдыхал «Хей!», чокался с воздухом и выпивал. Папа начал резать колбасу, столик зашатался, пиво расплескалось, легкое раздражение появилось на мамином лице – поморщившись, она приподняла стакан и подождала, пока он закончит. Папа ничего не заметил, не то что Бенжамин. Он видел все малейшие перемены, всегда стоял чуть поодаль, чтобы они могли посидеть спокойно, но все-таки так, чтобы слышать каждое их слово, контролировать атмосферу и настроение. Он слышал их обычное бурчание, слышал, как стучит по тарелке вилка, как зажигается сигарета, слышал их смех, значит, все в порядке.

Бенжамин брел по берегу, сжимая в руке сачок. Он проводил им по воде, и иногда ему удавалось взглянуть прямо в отражение солнца, от этого в глазах появлялись темные пятна. Он балансировал на больших камнях, искал на дне головастика, удивительных животных, черных, неуклюжих, похожих на плавающие запятыя. Он поднял парочку за хвост и сразу же опустил в красное ведро. Так было заведено. Он собирал головастика, пока родители были рядом, а потом, когда солнце садилось и они уходили в дом, отпускал головастика в озеро и тоже спешил за ними. Так продолжалось каждый вечер. Однажды он забыл головастика в ведре. На следующий день все они были мертвы, засохли на солнце. Он испугался, что об этом узнает отец, и выбросил ведро в озеро. Бенжамин знал, что папа был в доме, но его взгляд, казалось, буравил шею мальчика.

– Мама!

Бенжамин оглянулся и увидел, как по лестнице от дома спускается его младший брат. Даже отсюда было заметно, что он рассержен. Но загородный дом – не место для таких эмоций. Особенно этим летом – они приехали сюда на неделю раньше, чем обычно, и родители запретили им смотреть телевизор все каникулы. Сообщили об этом в торжественной обстановке, и Пьер расстроился сильнее других, когда папа выключил телевизор из розетки и положил шнур сверху на аппарат. Он свисал оттуда, словно с виселицы, как напоминание всем членам семьи о том, что происходит с техникой, которая не дает семье проводить лето на улице.

У Пьера были журналы комиксов, которые он медленно, спотыкаясь на длинных словах, читал вслух себе под нос, лежа на животе на траве. Но в конце концов ему надоедало, и он спускался к родителям. Бенжамин знал, что мама с папой могут отреагировать по-разному. Иногда можно было забраться к маме на руки, и она сидела, поглаживая сына по спине. А иногда появление сына раздражало ее, и волшебное время исчезало навсегда.

– Мне нечего делать, – сказал Пьер.

– Может, поможешь Бенжамину ловить головастика? – предложила мама.

– Нет, – ответил он. Он остановился возле маминого стула, шурясь от низкого солнца.

– А Нильс? Может, вы вместе что-нибудь придумаете? – сказала мама.

– Что? – спросил Пьер.

Молчание. Они, мама и папа, сидели, словно обессиленные, словно утонувшие в пластмассовых стульях, пришибленные алкоголем. Они смотрели на озеро. Казалось, они думают, придумывают какие-нибудь развлечения, но вслух они ничего не говорили.

– Хей! – крикнул отец, опрокинул стопку, улыбнулся и трижды хлопнул в ладоши. – Так, – закричал он. – Всем мальчикам через две минуты быть здесь в плавках!

Бенжамин взглянул на него, отошел на несколько шагов от кромки воды и бросил сачок в траву.

– Мальчики! – крикнул отец. – Общий сбор!

Нильс лежал в гамаке, натянутом между двумя березами возле дома, и слушал музыку. Бенжамин старался прислушиваться к звучанию семьи, Нильс же старательно его избегал. Бенжамин всегда держался поближе к родителям, Нильс же отдалялся, как только мог. Он всегда находился не там, где все, никогда ни в чем не участвовал. По вечерам, когда братья ложились спать, через фанерные стены им было слышно, как родители ссорятся. Бенжамин внимательно вслушивался в каждое слово, пытался уловить масштаб трагедии. Иногда они кричали друг другу ужасные гадости, говорили друг другу такие вещи, что казалось, катастрофа неизбежна. Бенжамин часами не спал, проворачивая в голове всю ссору. Нильс, казалось, совершенно не обращал на это никакого внимания.

– Сумасшедший дом, – бурчал он, отворачиваясь к стенке и засыпая. Его это не касалось, днем он держался в стороне, стараясь не попадаться на глаза, разве что иногда у него случались вспышки ярости, они неожиданно возникали и так же неожиданно стихали. – Черт! – слышалось из гамака, и Нильс, ругаясь и истерически отгоняя подобрравшуюся к нему осу, выскакивал на полянку. – Чертово отродье! – вопил он, несколько раз хлопая руками в воздухе. И все стихало.

– Нильс! – крикнул отец. – Сбор на пляже!

– Он не слышит, – сказала мама. – Он слушает музыку.

Папа крикнул громче. Никакой реакции с гамака. Мама вздохнула, поднялась, подошла к Нильсу и демонстративно помахала руками у него перед глазами. Он снял наушники.

– Папа зовет! – сказала она.

Сбор на пляже. Золотой момент. В глазах отца загорелся тот огонек, который так любили мальчики, огонек, обещавший игру и веселье. Его голос, сообщавший об очередном соревновании, звучал очень торжественно. Он был очень серьезен, но в уголках губ таилась улыбка. Все было очень церемонно, возвышенно, как будто на кону стояло что-то очень важное.

– Правила просты, – сказал он, расхаживая перед тремя стройными мальчиками в плавках. – По моей команде мальчики прыгают в воду, доплывают до буйка и возвращаются на берег. Тот, кто придет первым, будет объявлен победителем.

Мальчики напряглись.

– Все понятно? – спросил он. – Сейчас мы посмотрим, кто из вас самый быстрый.

Бенжамин похлопал себя по худеньким бедрам, он видел, что так всегда делают спортсмены перед решающим стартом.

– Подождите, – сказал отец и снял с руки часы. – Я засеку время.

Папины пальцы были слишком большими для маленьких кнопок наручных часов, и он несколько раз выругался, пока пытался наладить секундомер. Он посмотрел на сыновей.

– На старт!

Бенжамин и Пьер пихались, пытаясь занять самую выгодную позицию.

– А ну, прекратите, – сказал папа. – Сейчас же перестаньте!

– Вы сейчас все испортите! – предупредила мама, все так же сидя за столом и наполняя бокал.

Братьям было семь, девять и тринадцать, и когда они играли вместе в футбол или в карты, то иногда ругались так сильно, что Бенжамину казалось, что между ними все давным-давно

сломалось. Ссоры становились еще яростнее, когда папа сравнивал братьев между собой, когда он прямо говорил, что хочет проверить, кто из его сыновей лучше.

– На старт!.. Внимание!.. Марш!

Бенжамин бросился к воде, обгоняя братьев. Нырнул. Позади, на берегу, мама и папа подбадривали своих спортсменов.

– Bravo!

– Хей-я!

Несколько быстрых гребков, и каменистое дно под ним исчезло. У берега вода была июньски холодной, а чуть дальше становилась еще холоднее. Течения приходили и исчезали, словно озеро было живым и хотело испытать их разной температурой воды. Белый буюк спокойно лежал на зеркальной поверхности озера прямо перед ними. Несколько часов назад братья сами спустили его на воду, когда вместе с отцом ставили сеть. Но Бенжамину казалось, что он стоял гораздо ближе к берегу. Они плыли молча, берегли силы. Три головы в черной воде, крики с берега становились все тише. Солнце скрылось за верхушками деревьев на другом берегу. Стемнело, внезапно вода под ними стала совсем другой. Бенжамину показалось, что она чужая. Внезапно он подумал обо всех тех существах, которые находились сейчас под ним, тех, кому, может быть, вовсе не нравилось, что мальчики здесь плавают. Он вспомнил, как они с братьями сидели в лодке, пока папа вытаскивал из сети рыбу и бросал ее в лодку. Братья наклонялись и рассматривали острые зубы щуки, колючие плавники окуня. Иногда рыба билась, и братья вскрикивали и отпрыгивали от нее, и папа, испуганный неожиданными криками, ругался на них. Потом, успокоившись, сматывая сеть, он говорил им: «Не бойтесь рыбу». Бенжамин подумал, что, может быть, эти существа сейчас плывут прямо рядом с ними или под ними, скрытые темной водой. Белый буюк, окрасившийся в розовый цвет под закатным солнцем, был еще далеко.

Через несколько минут от начала заплыва стартовый порядок изменился – Нильс намного опередил Бенжамин, Пьер держался последним. Но когда сгустились сумерки и холод начал кусать их за ноги, братья снова объединились. Они плыли совсем рядом. Возможно, они даже не замечали этого и, конечно, никогда бы не признались друг другу, но там, в воде, они не хотели терять друг друга.

Головы все глубже погружались в воду. Гребки становились короче. Вначале вода бурлила от движений мальчиков, но сейчас все стихло. Когда они доплыли до буйка, Бенжамин обернулся и посмотрел на дом. Отсюда он казался красным кубиком лего. Только сейчас Бенжамин понял, как далеко они заплыли.

Усталость словно появилась из ниоткуда. От молочной кислоты стало трудно поднимать руки. От удивления он словно бы забыл, как двигать ногами, он просто не понимал, как это делается. Холод распространился от шеи вверх по затылку. Он слышал свое дыхание, оно становилось чаще, поверхностнее, в груди появился ледяной ком: обратный путь ему не одолеть. Он увидел, как Нильс запрокинул голову, чтобы вода не попадала в рот.

– Нильс, – позвал Бенжамин. Нильс не отреагировал, просто плыл дальше, уставившись в небо. Бенжамин догнал старшего брата, они оба тяжело дышали. Их взгляды встретились, и Бенжамин увидел в глазах брата страх, незнакомый ему раньше.

– Как ты? – спросил Бенжамин.

– Не знаю... – прошептал он. – Не знаю, смогу ли я...

Нильс уцепился за буюк обеими руками и повис на нем, но тот не выдержал его веса и ушел в темную глубину. Мальчик взглянул на берег.

– Ничего не выйдет, – пробормотал Нильс. – Слишком далеко.

Бенжамин вспомнил все, чему его учили в школе плавания, долгие лекции тренера о безопасности на воде.

– Нужно успокоиться, – сказал он Нильсу. – Грести реже. Дышать медленнее.

Он взглянул на Пьера.

– Как ты? – спросил он.

– Мне страшно, – ответил Пьер.

– Мне тоже, – сказал Бенжамин.

– Я не хочу умирать! – закричал Пьер. Его полные слез глаза чуть выступали над поверхностью воды.

– Иди сюда! – сказал Бенжамин. – Иди ко мне!

Братья сблизились.

– Мы поможем друг другу, – сказал Бенжамин.

Они вместе поплыли в сторону берега.

– Длинные гребки, – сказал Бенжамин. – Гребем вместе.

Пьер перестал плакать и сосредоточенно поплыл вперед. Через некоторое время они поймали единый ритм гребков и дыхания, вдох – выдох, долгий вдох – долгий выдох.

Бенжамин посмотрел на Пьера и засмеялся.

– У тебя губы синие.

– У тебя тоже.

Они похихикали друг над другом. Снова сосредоточились. Голова над водой. Медленные гребки.

Бенжамин видел вдалеке дом, маленькую футбольную площадку с вытоптанной травой, каждый день он играл там в футбол с Пьером. Погреб и кусты ягод слева, туда они ходили после обеда за малиной и черной смородиной и возвращались со свежими царапинами на загорелых ногах. А сзади в сумерках темнели высоченные ели.

Братья приближались к берегу.

Когда до берега оставалось всего метров пятнадцать, Нильс прибавил скорости и начал грести, как сумасшедший. Бенжамин обругал себя за глупую доверчивость и пустился догонять брата. Озеро внезапно вскипело, схватка братьев стала ожесточеннее. Пьер тут же безнадежно отстал. Нильс раньше Бенжамина добрался до берега, но из воды они выскочили почти одновременно. Бенжамин схватил Нильса за руку, чтобы опередить его, но тот сумел вырваться. Они добежали до беседки. Остановились, оглядываясь.

Бенжамин шагнул к дому и заглянул в одно из окон. Там, в кухне, виднелась папина фигура. Его большая спина, склонившаяся над столом.

– Они ушли, – сказал Бенжамин.

Уперевшись руками в колени, Нильс пытался перевести дыхание.

Тяжело дыша, на полянку поднялся Пьер. Он удивленно разглядывал пустой стол. Три недоумевающих брата стояли на поляне. Три неровных дыхания в полной тишине.

Глава 3

22:00

Нильс изо всех сил швыряет урну своему брату. Пьер к этому не готов, и урна ударяется ему в грудь. Бенжамин тут же слышит, как что-то у Пьера в груди ломается. Наверное, ребро. Бенжамин всегда видел на три шага вперед, всегда предугадывал конфликты между членами семьи еще до того, как они разгорались. Он замечал малейшие признаки раздражения, такие тонкие, едва уловимые, и всегда знал, как начнется ссора и чем она закончится. Но сейчас все было иначе. До тех пор, пока в теле Пьера что-то не сломалось, Бенжамин ничего такого не чувствовал. До сих пор все было спокойно. Пьер лежит у кромки воды и щупает грудь. Нильс уже рядом:

– Как ты?

Он наклоняется, чтобы помочь брату подняться. Он испуган.

Пьер бьет брата по ногам, и тот падает на каменистый берег. Пьер бросается на него, они катаются по берегу, колотят друг друга кулаками по лицу, груди, плечам. Они не останавливаются ни на секунду. Вся эта сцена кажется Бенжамину нереальной, как будто постановочной, они ведь разговаривают друг с другом, одновременно пытаясь друг друга убить.

Бенжамин поднимает урну, которая валяется на берегу. Крышка с нее слетела, и часть праха высыпалась на землю. Остатки скелета серого цвета, уходящего в синеву, он просто подмечает это, пока поднимает урну и закрывает крышку: не так он представлял себе прах матери. Он держит урну обеими руками, немного отходит назад, встает прямо перед дерущимися братьями. Эта сцена завораживает его так же, как и раньше. Он видит яростную драку, чувствует неловкость. Неужели Пьер не мог выбрать другой день, чтобы избить своего брата до полусмерти? Он дрался с подросткового возраста. Воспоминания о школьных временах: Бенжамин идет по школьному двору и видит мальчишек, сгрудившихся, чтобы посмотреть на драку. Между куртками Бенжамин видит своего брата, склонившегося над кем-то. Он проходит мимо, не хочет видеть, как колотит кого-то его брат, бьет даже тогда, когда противник уже не двигается, кажется безжизненным. Пьер хорошо умеет драться, но здесь, на берегу, силы равны, потому что у него сломано ребро, и он едва может выпрямиться. Большинство ударов братьев попадают в воздух или мимо цели, некоторые блокируются. Но иногда атаки оказываются весьма успешными. Пьер попадает Нильсу в глаз, и Бенжамин видит, как струйка крови стекает по щеке на шею. Нильс скрутил Пьера, кажется, он пытается сломать ему шею. Он рвет Пьеру волосы, и когда наконец отпускает его, несколько прядок волос Пьера застревают у него между пальцами. Братья устали. На мгновение кажется, что сил продолжать у них не осталось. Они сидят у кромки воды в нескольких метрах друг от друга и переглядываются. А потом начинают снова. Драка длится долго, они хотят друг друга уничтожить и совсем не торопятся.

И все время говорят.

Нильс пытается пнуть брата, но промахивается и падает на землю. Пьер отступает и поднимает камень, изо всех сил бросает его в брата. Камень пролетает мимо, но Пьер поднимает еще один и снова бросает его, в этот раз камень попадает Нильсу в щеку. Снова кровь. Бенжамин осторожно поднимается по склону, сжимая в руках урну так сильно, что белеют пальцы. Он поворачивается и медленно идет к дому. Он заходит внутрь, идет в кухню, достает свой мобильный телефон. Набирает 112.

– Мои братья дерутся, – говорит он. – Боюсь, они поубивают друг друга.

– Вы можете вмешаться? – спрашивает женщина в трубке.

– Нет.

– Почему? Вы ранены?

– Нет, нет...

– Тогда почему вы не можете вмешаться?

Бенжамин прижимает трубку к уху. Почему он не может вмешаться? Он смотрит в окно. Здесь повсюду он в детстве играл. Именно здесь, на этой земле, все когда-то началось, и здесь же все закончилось. Он не может вмешаться, потому что однажды именно здесь он застыл и с тех пор не может двигаться. Ему все еще девять, а там, внизу, дерутся взрослые мужчины – его братья, которые смогли жить дальше.

Он видит контуры двух человек, пытающихся убить друг друга. Не самый достойный финал, хотя и предсказуемый. А чем еще это все могло закончиться? Что еще может произойти, если приходится вернуться туда, откуда убегаешь всю свою жизнь? Сейчас братья дерутся по колено в воде. Бенжамин видит, как Пьер сбивает Нильса с ног так, что тот падает в воду. Нильс лежит, не встает, и Пьер ничего не делает, чтобы ему помочь.

Бенжамин поражает мысль: они оба погибнут там.

Он бросает телефон и бежит вниз. Он несется по каменным ступенькам, по тропинке к озеру, мышцы все помнят, даже на большой скорости ему удастся обойти все препятствия, он огибает выступающий из земли корень, перескакивает через острый камень. Он бежит через свое детство. Он пробегает мимо того места, с которого родители обычно наблюдали за заходящим солнцем. Он пронесется мимо леса, встающего стеной на востоке, мимо лодочного сарая. Он бежит. Когда он последний раз бегал? Не помнит. Свою взрослую жизнь он проживал словно на паузе, словно зажатый в скобки, а сейчас чувствует, как колотится в груди сердце, как его наполняет эйфория: он может, у него есть силы, но больше всего – он хочет. Он чувствует, что его что-то наконец волнует. И он перепрыгивает через маленький затон, где когда-то ловил головастиков, и бросается в воду. Он бросается к братьям, он готов вклиниться между ними, но видит, что это уже не нужно. Они перестали драться. Они стоят рядышком по пояс в воде в нескольких метрах от берега. Они смотрят друг на друга. У них одинаковые темные волосы, одинаковые каштанового цвета глаза. Они молчат. На озере тихо. Слышно только, как плачут три брата.

Они сидят на ступеньках, осматривая раны друг друга. Они не просят прощения, они просто не умеют этого делать, их никогда этому не учили. Они осторожно ощупывают друг друга, смазывают раны, прижимаются лбами друг к другу. Три брата заботятся друг о друге.

В вязкой, влажной тишине летней ночи Бенжамин внезапно слышит звук приближающейся к ним через лес машины. Он смотрит на склон. Полицейский автомобиль медленно пробирается сквозь заросли по узкой дорожке к участку. Вот и загородный дом, одиноко стоящий дом, проглядывающий сквозь неплотные сумерки июньской ночи.

Глава 4

Столб дыма

Мама и папа пообедали в беседке. Папа собрал тарелки и стаканы. Мама взяла бутылку белого вина и аккуратно поставила ее в холодильник. Затем из туалета раздался звук спускаемой воды. Папа прополоскал горло и сплюнул в раковину. Затем оба тяжело поднялись по ступенькам. Бенжамин слышал, как хлопнула дверь в спальню, и все стихло.

Они называли это «сиестой». Ничего странного, объясняли они детям – в Испании так все делают. Хорошо вздремнуть часок после обеда, чтобы начать вечер свежими и отдохнувшими. Для Бенжамина это был долгий час безделья, за которым следовали очень странные полчаса, когда родители заходили в беседку и тихо сидели на пластмассовых стульях. В это время Бенжамин старался держаться подальше, чтобы дать им возможность спокойно проснуться, но потом все-таки подходил, и братья тоже стягивались сюда с разных сторон участка, потому что иногда после сиесты мама читала детям вслух. В хорошую погоду они усаживались на пледе в саду, а в дождь забирались на кухонную софу перед камином. Дети сидели тихо и слушали, как мама читает старых классиков, книги, которые, как она считала, они должны знать. В такие моменты существовал лишь мамин голос, больше ничего. Свободной рукой она поглаживала кого-нибудь из мальчиков по голове, и чем дольше она читала, тем ближе придвигались к ней сыновья, пока наконец не начинало казаться, что они все сидят в обнимку, и непонятно, где начинается один ребенок, а где заканчивается другой. Дочитав до конца главы, мама резко захлопывала книгу перед носом мальчиков, и все вскрикивали от неожиданности.

Бенжамин сидел на ступеньках. Он ждал. Он рассматривал свои угловатые загорелые ноги, укус комара на худенькой коленке, чувствовал запах обожженной солнцем кожи и «Салю-брюна», которым папа смазывал ожоги. Сердце забилося чаще, хотя он почти не двигался. Он не тосковал, нет, он чувствовал что-то, чего и сам не мог объяснить. Ему было грустно, и он сам не знал почему. Он посмотрел на спускающийся к озеру холм, на побелевшую выжженную солнцем траву. И почувствовал, как все вокруг него рушится. Казалось, что поляну накрыли стеклянной крышкой. Он смотрел на осу, кружившую над тарелкой с соусом, оставшейся на столе. Оса была тяжелой, двигалась неуверенно, с ней что-то было не так, крылышки двигались слишком медленно, все тяжелее и тяжелее, и вот она попала в соус и увязла в нем. Бенжамин следил за тем, как насекомое изо всех сил пытается выбраться, его движения становились реже, наконец оно замерло. Он прислушался к пению птиц, внезапно ему показалось, что они тоже чирикают медленнее, в половину обычной скорости. Затем все стихло. Бенжамина охватил страх. Остановилось время? Он пять раз хлопнул в ладоши, он всегда так делал, чтобы вернуться в сознание.

– Эй! – закричал Бенжамин. Он вскочил, снова хлопнул в ладоши пять раз так сильно, что рукам стало больно.

– Что ты делаешь?

Чуть ниже, у озера, стоял Пьер и смотрел на него.

– Ничего, – ответил Бенжамин.

– Пойдем рыбу ловить!

– Ага.

Бенжамин вошел в дом и надел стоявшие в коридоре сапоги. Потом обошел вокруг дома и взял удочку, прислоненную к стене.

– Я знаю, где взять червяков, – сказал Пьер.

Они пошли за сарай, земля там была влажной. Всего два удара лопатой, и перед ними полная яма червей. Братья вытащили их из земли и сложили в банку, червяки не двигались и совсем не сопротивлялись внезапному плену. Пьер тряс и переворачивал банку, чтобы оживить

червяков, но те явно спокойно восприняли грядущую смерть – даже когда Бенжамин насадил их на крючок, они абсолютно не протестовали, просто бессильно повисли на кусочке стали.

Они немного поспорили о том, кто будет держать удочку. Красно-белый поплавок был хорошо заметен на черной воде; правда, иногда он исчезал в солнечной дорожке на озере. К воде подошли сестрички Ларссон, три местные курочки, они пришли вместе, но каждая была занята своим делом. Курочки сосредоточенно клевали землю, тихонько кудахча. Бенжамину всегда становилось не по себе, когда они приближались, ведь в их поведении совершенно не было логики. Он напрягся; могло произойти все, что угодно, как на рынке, когда к тебе внезапно пристает пьяница. Отец говорил, что одна из куриц слепая, она может разозлиться в любой момент, решив, что ей что-то угрожает. Бенжамин часто вглядывался в пустые глаза куриц, но так и не смог вычислить слепуху. А может, слепые все три? Когда они взволнованно бегали по участку, казалось именно так. Несколько лет назад именно папа купил куриц, чтобы наконец осуществить свою мечту о свежих яйцах на завтрак. Папа кормил их, бросал им корм и кричал – пот-пот-пот, а по вечерам загонял их в сарай, он колотил половником по кастрюле, и этот звук эхом раздавался по всему участку. Каждое утро Пьер должен был ходить в курятник к сестричкам Ларссон и собирать яйца, он бежал по дорожке обратно к дому с корзинкой в руках, а папа торопился поставить на огонь кастрюлю с водой. Это была их традиция, Пьера и папы, и Бенжамину тоже становилось приятно, спокойно, можно было выдохнуть.

Куры прекратили клевать землю и уставились пустыми глазами на стоявших у воды мальчиков. Бенжамин припугнул их, сестры Ларссон вскинулись и, глухо кудахча, отправились дальше, не поднимая глаз от земли. Скоро они совсем исчезли.

Поплавок дернулся, когда удочку держал Пьер. Сначала поплавок просто повело в сторону, а затем он полностью оказался под водой.

– Клюет! – закричал Пьер. – Держи! – он сунул удочку в руки Бенжамина.

Бенжамин сделал так, как учил его папа, он не стал резко дергать удочку, а осторожно повел ее к берегу. Бенжамин тянул в одну сторону, рыба – в другую, причем с поразительной силой. Под водой появились контуры чудища, он увидел, как яростно оно пытается освободиться, и закричал:

– Скорее, ведро!

Пьер недоуменно оглядывался.

– Ведро? – спросил он.

– Нильс! – закричал Бенжамин. – Мы поймали рыбу, беги сюда с ведром!

Он увидел, как закачался гамак, Нильс бросился к дому и тут же, уже с красным ведром в руке, рванул к озеру. Бенжамин старался не тянуть слишком сильно, боялся, что порвется леска, но ему приходилось сопротивляться попыткам рыбы утянуть его в озеро. Нильс шагнул в воду и опустил ведро.

– Тяни! – закричал он.

Рыба билась о водную гладь, приближаясь к берегу. Нильс шагнул еще глубже, его шорты намокли, он подцепил рыбу.

– Поймал! – закричал он.

Они сгрудились вокруг ведра и уставились на добычу.

– Кто это? – спросил Пьер.

– Окунь, – ответил Нильс. – Нужно его отпустить.

– Почему? – ошеломленно спросил Пьер.

– Слишком маленький, – ответил брат. – Таких не едят.

Бенжамин посмотрел в ведро и увидел, как рыба бьется о его стенки. Она была меньше, чем ему казалось, когда он боролся с ней в воде. Чешуйчатая кожа сверкала, острый плавник торчал над спиной.

– Ты уверен? – спросил Бенжамин.

Нильс усмехнулся.

– Папа посмеется над вами, если вы ему покажете такой улов.

Пьер поднял ведро и уверенными шагами направился к дому. Бенжамин пошел за ним.

– Что вы делаете? Ее нужно отпустить! – закричал Нильс. Они не отвечали, и он побежал за ними.

В кухне Пьер поставил ведро на стол. Он стоял и разглядывал рыбу, и красные стенки ведра отражались на его лице, отчего казалось, что он покраснел.

– Зажарим ее живьем? – тихо спросил он.

Нильс в изумлении посмотрел на брата.

– Ты больной, что ли? – сказал он.

Он повернулся и вышел, Бенжамин услышал, как, проходя под окнами, Нильс пробормотал:

– Сумасшедший дом!

Бенжамин проследил за братом, увидел, как тот снова улегся в свой гамак.

– Зажарим ее живьем, – повторил Пьер.

– Нет, – сказал Бенжамин. – Не надо.

Пьер встал на стул и достал сковородку, висевшую на стене над кухонным столом. Он поставил ее на конфорку, неуверенно поглядывая на ручки плиты. Он повернул одну из них, и газ тут же зашипел. Пьер наклонился и осмотрел горелку плиты.

– А как зажечь огонь? – спросил он. Он крутил ручку вперед и назад, было слышно, как газ то включается, то выключается. Пьер повернулся к Бенжамину.

– Помоги мне!

– Нужно взять спички, – ответил Бенжамин.

– Ты мне поможешь или нет?

– Пьер, – сказал Бенжамин. – Нельзя жарить живую рыбу.

– Прекрати! – оборвал его Пьер. – Помоги лучше!

Газ снова зашипел, на втором этаже хлопнуло окно, ласточки, свившие гнездо под крышей дома, заскреблись по стенам, словно хотели почесать дому спинку, вечернее солнце осветило потертый кухонный стол, золотистую колоду карт, оставленную родителями после вчерашней игры, солнечные лучи пробежали по фигурам двух братьев, высветили кучки дохлых мух, лежащих между рамами. Бенжамин посмотрел в окно и снова перевел взгляд на Пьера. Затем он достал с верхней полки спички, зажег одну и поднес к горелке, которая тут же вспыхнула красным пламенем.

– Масло надо или чего еще? – спросил Пьер и огляделся. Бенжамин не ответил. Пьер заглянул в холодильник и начал перебирать продукты, сам не зная, что ищет. Он вернулся к сковородке, от нее поднимался легкий дымок. Пьер взял красное ведро и вытряхнул его содержимое на сковородку. Рыба упала и при первом контакте с чугуном подпрыгнула вверх. Больше такого не повторялось. Она прилипла к сковородке, жабры ее поднимались, хвост подергивался. Рыба сделала несколько бесплодных попыток вырваться, но кожа уже начала плавиться и прижарилась к поверхности.

От сковородки валил густой дым. Бенжамин молча смотрел на происходящее. Пьер попытался приподнять рыбу лопаткой и перевернуть ее. Он тер и тянул, шурился от попадающего в глаза дыма, и наконец ему удалось оторвать рыбу от сковородки. Кусочки рыбьей кожи пристали к тем местам, где она только что лежала. Рыба подпрыгнула, сделала пол-оборота в воздухе и упала на то же место. Братья отскочили от плиты и усталились на сковородку.

– Она все еще жива! – вскричал Бенжамин. – Нужно ее убить!

– Ты и убей, я не могу! – ответил Пьер.

– Почему я? – спросил Бенжамин.

Пьер толкал Бенжамина к плите.

– Прикончи ее!

Рыба снова взвилась в воздух.

– Это ты во всем виноват! – закричал Бенжамин.

Пьер застыл на месте, уставившись с разинутым ртом на сковородку. Бенжамин шагнул к плите, повернул ручку и включил огонь на максимум. Он отошел назад и встал рядом с братом. Сквозь дым слышался тихий звук, рыба била хвостом по сковороде, казалось, что ее хлопки ускоряются в такт с увеличивающимся жаром. Бенжамин почувствовал, что ноги его больше не держат, и ухватился за спинку стула. Резкий шипящий звук, и рыба лопнула, на сковороду вылились кишки, дым стал гуще, и от всего происходящего Бенжамину показалось, что вмешался сам Господь Бог. Солнечные лучи создавали в дыму каналы, столбы, божественные шлюзы, по которым рыба напрямую попадала в Царствие Небесное. Внезапно Бенжамину все стало кристально ясно, словно все происшествя на земле сконцентрировались вокруг этой сковородки, словно планета всем своим весом давила на газовую плиту.

Все кончилось.

Стало тихо.

Бенжамин подошел к сковородке, положил ее в мойку и включил воду, одно шипение сменилось другим, а потом все стихло. Он посмотрел на маленькую обугленную рыбку на сковородке. Он выбросил ее в мусорное ведро и набросал сверху бумагу. Он подошел к Пьеру, который застыл в нескольких шагах от плиты.

– Так нельзя, Пьер!

Пьер серьезно взглянул на брата.

– Уходи, я со всем разберусь, – сказал Бенжамин.

Пьер ушел. Бенжамин увидел, как он припустил к сараю. Бенжамин отскребал прилипшую рыбью кожу от сковородки, поливая ее горячей водой.

Затем он вышел и сел на ступеньки. Снаружи было так светло, что в глазах у него потемнело. Он услышал в доме какие-то звуки, шаги на лестнице, к нему подошла собака, проснувшаяся от послеобеденной дремы.

– Яхаду-яхадо, – прошептал Бенжамин – так всегда приманивала собаку мама – и похлопал себя по коленям. Молли запрыгнула к нему на руки и улеглась. Он гладил собаку и чувствовал, как успокаивается ритм сердца от того, что к его груди прижимается ее теплое тело. Он встал, спустился по тропинке к озеру и уселся вместе с Молли на большой камень. Казалось, что произошло затмение, и когда цвета вернулись к нему, Бенжамин понял, что не ошибся: мир изменился. Он видел рябь на поверхности воды, оставшейся от всплывшей за кормом рыбы. Он видел круги на воде, обратил внимание, что они не увеличиваются и не уменьшаются. Круги просто становятся рябью. Он взглянул на затон и увидел там что-то необычное. Круги на воде сходились к центру, словно фильм прокручивали задом наперед. Внезапно над озером эхом разнесся крик. Бенжамин оглянулся, пытаясь понять, кто кричит. Затем закричал сам. Он понял, что время не остановилось – оно повернулось вспять.

Он закрыл руками глаза.

– Яхаду-яхадо!

Кто это кричал? Сквозь пальцы он посмотрел на полянку и увидел там маму и папу, они только что проснулись и сидели там. Мама увидела на руках у Бенжамина собаку и позвала ее. И тогда мир снова начал вращаться в правильную сторону.

Он отпустил Молли, которая бросилась к маме, а Бенжамин побежал за ней по тропинке. Родители сидели, уставившись в землю. Мама достала пачку сигарет и положила ее на стол, потянувшись к собаке.

– Привет, дружище! – хрипло сказал отец.

– Привет! – ответил Бенжамин.

Он уселся на траву. Тишина. Мама взглянула на него.

– Почеши мне спинку, – попросила она.

Бенжамин встал, подошел к маме, она прикрыла глаза и блаженно вздохнула, когда его рука оказалась у нее под свитером.

– Подожди, – сказала она и расстегнула лифчик, чтобы ему было удобнее чесать. Он почувствовал след от резинки на ее коже, когда провел рукой от шеи вниз к лопаткам. И он чесал ей спину именно так, как ей нравилось, потому что ему хотелось, чтобы этот момент никогда не кончался. Мама взглянула на Бенжамина.

– Почему ты плачешь, милый?

Бенжамин не ответил, продолжая почесывать мамину спину.

– Что случилось?

– Ничего, – ответил он.

– Мальчик мой, – сказала мама. – Не надо плакать.

И она умолкла, склонив голову.

– Чуть ниже.

Уголкем глаза Бенжамин заметил сестричек Ларссон, они брели в сторону беседки. Здесь они остановились, оглядывая происходящее. Он чувствовал, как бьется его сердце. Он думал о рыбе, о дымящей сковородке, о коже, приставшей к поверхности сковороды. Куры смотрели на него. Они знали, что он натворил, и молча осуждали его.

А он чесал спину мамы и не мог отвести взгляд от кур. Он не решался посмотреть на стол, боялся, что увидит там остатки обеда, поймет, что они только что поели и что мама и папа сейчас пойдут на свою сиесту.

Глава 5

20:00

Бенжамин стоит у воды с букетом засохших лютиков в руке. Рядом стоят его братья. В руках у Нильса урна. Она тяжелая, так что он все время перекладывает ее из руки в руку, у него озадаченное выражение лица, словно мама застала его в постели.

– Нужно что-то сказать, – говорит Нильс. – Или как это вообще делается?

– Не знаю, – отвечает Бенжамин.

– Нужна какая-то церемония или как?

– Пожалуй, просто сделаем это.

– Подождите, – говорит Пьер. – Мне нужно отлить.

Он отходит на пару шагов, поворачивается к озеру и расстегивает штаны.

– Знаешь что, – говорит Нильс. – Все-таки нужно как-то посерьезнее относиться ко всему этому.

– Согласен. Но мне нужно отлить.

Бенжамин смотрит на спину Пьера, видит, как струя его мочи ударяется о прибрежные камни. Он видит, как Нильс пытается перехватить урну поудобнее.

– Хочешь, я ее подержу?

Нильс качает головой.

Озеро абсолютно спокойно, и Бенжамину кажется, что лес окружает его и сверху, и снизу. Он видит сразу два неба, оба светятся розово-золотым светом. Солнце садится за мощные ели. Чуть дальше в заливе покачивается на тихой воде буюк.

– Смотрите-ка, – говорит Бенжамин и показывает на буюк. – Это же наш?

Нильс осторожно почесывает комариный укус на подбородке и вглядывается в крохотную точку на горизонте.

– Черт возьми, – говорит он, прикрывая глаза от солнца, чтобы лучше видеть. – Когда мы были здесь в последний раз? Возможно, мы поставили сеть за день до того, как все произошло. А потом тут была такая неразбериха, и мы так быстро уехали домой. Может...

Он посмеивается.

– Может, мы забыли вытащить сеть, когда уезжали отсюда?

Бенжамин смотрит на буюк, он довольно далеко, но все-таки достаточно близко, чтобы разглядеть его форму. У него обгрызенные края – той зимой крысы добрались до лодочного сарая.

– Ты думаешь, она простояла там все это время? – спрашивает Бенжамин.

– Да.

Перед глазами Бенжамина сеть. Пять метров в глубину, колеблющаяся масса рыбы на разной стадии разложения. Кожа и кости, глаза, уставившиеся в темноту, все застыло в вязких масках из водорослей, идут годы, наверху что-то происходит, семья срывается с места и исчезает, вокруг одна пустота, времена года сменяют друг друга, проходят десятилетия, все постоянно меняется, а на глубине пяти метров все еще висит сеть и терпеливо поджидает тех, кто подходит слишком близко.

– Надо бы ее вытащить, – говорит Нильс.

– Да, – отвечает Бенжамин.

– Завтра, перед тем как уезжать.

Пьер издает какой-то звук, приглушенный вскрик, словно он хочет возразить, но не находит слов, и в то же время, отвернувшись от братьев, он взмахивает рукой, избавляясь от последних капель.

– К чертовой матери! – кричит он, застегивая брюки. – Сделаем это прямо сейчас!

– Сейчас мы проведем церемонию, – говорит Нильс.

– Да это подождет, – говорит Пьер. – Три брата снова в лодке в открытом море. Последний путь на закате солнца. Маме бы понравилось!

– Нет, не сейчас, – говорит Нильс, но Пьер уже ушел, прыгая по большим камням у берега. – Как думаете, лодка все там же? – кричит он. Бенжамин и Нильс переглядываются. Нильс посмеивается. Они идут за братом к лодочному сараю.

Да, лодка здесь. На больших бревнах, точно так, как они ее оставили, лежит большая старая пластиковая лодка. Дно, да и сиденье на носу поросли мхом, а в воде, собирающейся на корме, сформировалась собственная экосистема из водорослей и тины, но сама лодка цела. Весла, как обычно, лежат на полу под брезентом. Братья встают по обе стороны от лодки, Пьер командует, они кричат: «Ну!» – и тянут ее изо всех сил, так что под днищем скрежещут камни, наконец лодка плюхается в черную воду, и все тут же стихает.

Бенжамин садится на весла, Пьер и Нильс – на корму, из-за этого задняя часть лодки перевешивает, нос взмывает к небесам. Все так знакомо. Бенжамин смотрит на братьев. Они надели черные костюмы и галстуки, чтобы почтить память матери. На Пьере очки от солнца, Бенжамину они кажутся слишком большими и слишком женственными. Нильс снял туфли и носки и закатал брюки, чтобы они не намокли. Они не разговаривают, слушают, как осторожно ударяются весла о воду, как падают капли, когда Бенжамин проводит веслами над водой. Быстро сгущаются сумерки, берег размывается, Бенжамин смотрит вверх и внезапно видит над собой космос, хотя небо все еще синее. Он видит дом над полянкой, дверь распахнута настежь, словно мама и папа скоро выйдут, торопясь спуститься к озеру с маленькой корзинкой, в которой выпивка и колбаса. Он видит газон, заросший дикими цветами. От прохладного ветра по озеру пробегает рябь.

– Хей, – кричит Пьер. Буй совсем близко, братья наготове, как в детстве, занимают заранее распределенные позиции, Бенжамин сдает чуть назад, Нильс наклоняется и хватает буй.

– Приготовьтесь, там, скорее всего, довольно мерзкая картина, – говорит Нильс.

И он начинает тянуть желтую, потерявшую цвет нейлоновую леску, сворачивает ее на дне лодки; сначала сеть идет легко, но постепенно становится все тяжелее. Он не готов к такому сопротивлению, теряет равновесие и садится.

– Черт побери, – бормочет он. – Пьер, помоги!

Пьер и Нильс, пошатываясь, тянут вместе, и сеть поддается, постепенно приближается к поверхности.

– Я вижу крючок! – кричит Пьер. Бенжамин встает и видит контуры сети с ее тайным уловом, похожим на мрак, тянувшийся из еще более глубокого мрака, братья тянут и морщатся от боли, когда леска впивается им в ладони, сеть почти выходит на поверхность воды, и тут леска рвется. Лодка раскачивается, братьев кидает в сторону, они наклоняются за борт и видят, как чудовище исчезает во мраке глубин.

Пьер хохочет, хохот эхом отражается над озером. Нильс с улыбкой смотрит на брата. Он тоже начинает смеяться, вместе они заражают смехом Бенжамина, теперь хохочут все трое. Бенжамин разворачивает лодку и гребет к берегу.

В письме, которое братья нашли в маминой квартире, было написано, что она хочет, чтобы ее прах развеяли над озером у загородного дома. Она не написала, где именно нужно это сделать, но они сразу поняли, что нашли правильное место. Здесь, на берегу, прямо у воды, она любила сидеть и читать утренние газеты. Здесь же по вечерам она засиживалась до самого заката, до золотистого неба, вслушивалась в шелест деревьев на ветру, в путешествие ветра от дальних деревьев к ближним, пыталась уловить, чем отличается шум листьев одного дерева от другого. И как бы сильно ни дуло днем, вечером всегда происходило одно и то же – как только заходило солнце, утихал ветер, и успокаивалось озеро. Сейчас, именно в такой момент, именно в этом месте остановились братья. Нильс с урной в руках поворачивается к ним.

- Кажется, мне надо отлить, – говорит Пьер.
- Что, опять? – спрашивает Нильс.
- Да!
- Господь Всемогуший! – бормочет Нильс.
- Не хочется, знаешь ли, обделаться.
- Да уж, – говорит Нильс. – Такое уже случалось.
- Именно, – подтверждает Пьер.
- В этом ты нас превзошел, – говорит Нильс, ухмыляясь. – В детстве чаще всех писался.
- Я радовался жизни, был вечно занят, жалко было тратить время на посещение туалета. Три брата смеются одинаковым смехом, словно кто-то комкает газетную бумагу.
- Однажды, во втором классе, я описался, когда играл в футбол на площадке, – говорит Пьер. – Несильно, буквально пара капель, но джинсы все равно промокли. На брюках появилось темное пятно размером с пятак. Бьёрн быстро его заметил.
- Я помню Бьёрна, – говорит Бенжамин. – Он всегда замечал человеческие слабости.
- Да. Он увидел пятно, начал показывать на меня пальцем и кричать, что я описался. Все на меня смотрели. А я сказал, что мне просто мяч угодил именно туда. Как раз шел дождь, площадка была мокрая и мяч тоже, так что объяснение было вполне правдоподобным. Бьёрн замолчал, и мы продолжили играть. Я был очень доволен, потому что удачно соврал. Это было просто гениально. Обмочился, но выкрутился.
- Братья смеются.
- Но потом я описался ещё раз, – говорит Пьер. – Пятно стало больше. И Бьёрн снова его заметил. Когда перемена закончилась, и мы пошли в школу, он прилепился ко мне и стал меня разглядывать. Он все время смотрел на мои брюки. И когда мы вошли в класс, он крикнул: «Куча-мала на Пьера!»
- Куча-мала? – спрашивает Бенжамин.
- Ага. Вы что, так не делали? Кто-то выкрикивает имя, и все бросаются на тебя, создавая огромную кучу.
- И что случилось? – спрашивает Бенжамин.
- Все прыгнули на меня. Я лежал в самом низу и не мог двинуться. Сверху на мне лежал Бьёрн. Мы лежали лицом к лицу, и я помню его ухмылку. Потом он запустил руку мне в джинсы. Я пытался сопротивляться, но был зажат. Он пошарил в моих мокрых трусах, а потом достал руку и понюхал ее. Он закричал: «Моча! Пьер описался!»
- А учителя там не было? – спрашивает Бенжамин.
- Не помню, – отвечает Пьер. – По крайней мере, никто ничего не сделал. Пьер подбирает камешек на берегу и бросает его в воду.
- Они все лежали на мне и орали, что я описался.
- Бенжамин видит, как шея Пьера покрывается красными пятнами. Ему знакомы эти пятна, он постоянно видел их в детстве, когда Пьер злился или пугался.
- С того места, где я лежал, был виден коридор, – говорит Пьер. – В двери я увидел тебя. Ты просто стоял и смотрел.
- Пьер поворачивается к Нильсу и смотрит ему прямо в глаза.
- Нет, – говорит Нильс. – Этого не было.
- Было, – отвечает Пьер. – Ты видел, что я там лежу. И просто ушел.
- Нильс покачивает головой, Бенжамин замечает его вымученную, нервную улыбку.
- Говори, что хочешь, – продолжает Пьер. – Я это ясно помню и никогда не забуду. Тогда я об этом не задумывался. А вот в последние годы я вдруг осознал, что чего-то не понимаю. Ты ведь намного старше. Ты бы мог легко войти и прекратить все это.
- Пьер смотрит на Нильса.
- А ты просто ушел, – говорит Пьер.

Нильс опускает глаза на урну, которую держит в руках. Он потирает большим пальцем ее крышку, словно хочет стереть пятнышко.

– Не знаю, о чем ты, – говорит он.

– Ты не помнишь? – удивляется Пьер. – Ты часто так делал. Ничего не видел, ничего не слышал. Как только что-то случалось, ты кричал, что живешь в сумасшедшем доме, и запирался в комнате. Но сумасшедший дом был именно там, по другую сторону двери, хоть ты этого и не замечал.

– Сними очки, – внезапно резко говорит Нильс. – Прояви уважение к маме, не выпендривайся!

– Я буду делать, что хочу! – отвечает Пьер.

Бенжамин сосредотачивается. Он чувствует, куда уходит разговор, он замечает это по тому, как держит урну Нильс, как он смотрит на Пьера, как пристально вглядывается ему в глаза.

– А ну-ка послушай, потому что я скажу это всего лишь раз, – твердо говорит Нильс. – Я не хочу слышать от тебя больше ни слова о том, что с тобой в детстве плохо обращались. Ни слова!

– Ты меня предал, – говорит Пьер.

Нильс смотрит на Пьера.

– Я предал? – спрашивает он, ухмыляясь. – Тебя надо пожалеть? Да не было ни дня, чтобы вы с Бенжаминком меня не доставали. Из-за вас я все время чувствовал себя ничтожеством. А пожалеть надо тебя?

Пьер отворачивается к озеру и покачивает головой.

– Давай делом займемся, а поплачешь потом.

Нильс шагает к Пьеру, встает рядом с ним.

– Не нужно меня унижать.

Пьер тут же реагирует, он делает большой шаг к брату. Бенжамин отчаянно пытается встать между ними. Все трое стоят, тесно прижавшись друг к другу, они пышут так не похожей на них злобой. Внезапно гнев в их глазах сменяется недоумением. Они беспокойно оглядывают друг друга. Они сами не знают, что делают.

– Давайте успокоимся, – говорит Бенжамин.

– Я не хочу успокаиваться, – говорит Нильс. – Ты думаешь, я в детстве всегда вас сторонился. Да, разве не удивительно, что мне не хотелось быть с вами, если вы называли меня противным и мерзким каждый раз, когда я к вам подходил? А потом еще глазами вытворяли эту штуковину.

– Какую штуковину? – спрашивает Пьер. Он замолкает на минуту. А затем сводит глаза к переносице, имитируя косоглазие Нильса.

Нильс изо всех сил швыряет урну своему брату. Пьер к этому не готов, и урна ударяется ему в грудь. Бенжамин слышит, как что-то ломается у Пьера в груди.

Глава 6

Березовые короли

Ужин в беседке подошел к концу. Мама достала сигарету, поискала зажигалку между опустевшими чашками. Папа недовольно рассматривал свою пустую тарелку – он не наелся. Мама оставила на тарелке жир от свиной отбивной, а папа его заметил и теперь украдкой поглядывал на этот кусочек жира, похожий на обугленный палец. Папа, щурясь, примерялся к нему, пытаясь договориться с самим собой.

– Вот это вот... – сказал он наконец и показал на оставшийся жир. Мама сразу же вонзила в жир вилку и переложила на папину тарелку.

– Спасибо, – сказал папа и принялся за еду. Мама смотрела на него, пока он ел. В ее взгляде сквозило отвращение, но Бенжамин был единственным, кто это видел. Он чувствовал, как раздражает маму папино обжорство, как она ненавидит, когда он шарит глазами по чужим тарелкам, когда он пробирается на кухню после ужина и делает себе бутербродик, когда по вечерам он безвольно вглядывается в просторы холодильника в поисках чего-то, что можно сунуть себе в рот. Иногда мама взрывалась и кричала, что он животное. Чаще всего папа в ответ молчал, просто захлопывал дверцу холодильника и уходил, но иногда яростно орал: «Дай мне спокойно поесть!»

Папа отложил вилку и стукнул ладонью по столу.

– Мальчики! – он вытер лицо салфеткой. – Я хочу показать вам одно место, которое никто из вас раньше не видел. Кто со мной?

Бенжамин и Пьер вскочили. Их загородный дом – весь мир. Маленькие строения, окруженные лесом и водой. А вокруг – неизвестное пространство – мыс, светящаяся пульсирующая зеленая точка на серой карте мира. Папино обещание показать им новое место означало, что мир станет больше. Они приготовились к настоящей экспедиции. Папа надел высокие сапоги до колена, велел Бенжамину и Пьеру надеть бейсболки, чтобы защитить лица от мошек.

– Ты идешь, Нильс? – спросил папа.

– Нет, – ответил он.

– Это секретное место, – сказал папа. – Место, где дети могут разбогатеть.

– Нет, – сказал Нильс, потянувшись за стаканом молока и выпил все до последней капли. – Мне лень.

Они спустились по холму, прошли через луг. Папа опустил руку и провел ладонью по высокой траве, сорвал соломинку и засунул ее в рот. Он шел очень уверенно. Бенжамин и Пьер торопились следом, они держались чуть позади, иногда пытаясь заглянуть вперед, чтобы понять, куда же они держат путь. Темнело.

– Ты все еще боишься леса, Бенжамин? – спросил папа.

– Нет, не очень, – ответил мальчик.

– В твое первое лето здесь каждый раз, когда мы заходили в лес, ты начинал плакать, – сказал папа. – Не знаю почему, ты не говорил.

– Нет, – сказал Бенжамин. Он не мог это сформулировать, но лес долго тревожил его, особенно после дождя, когда деревья становились тяжелыми, а болота топкими. Он боялся застрять, боялся, что лес проглотит его, боялся исчезнуть.

– Вот что я знаю о лесе, – сказал отец. – У каждого есть свой лес, знакомый от и до, тот, которого не боишься. И если у тебя есть свой лес, это прекрасно. Если достаточно долго ходить по лесу, будешь знать каждый камешек, каждую тропинку, каждую сломанную березку. И лес станет твоим, будет принадлежать тебе.

Бенжамин взглянул на темную чащу леса. Своим он этот лес не чувствовал.

– Пошли дальше! – сказал отец. – Мы почти пришли.

Они прошли мимо дамбы между озером и рекой – ни Бенжамин, ни Пьер прежде так далеко от дома не уходили. Все вокруг было новым, неизведанным. Они прошли мимо топи с большими вырастающими из мха камнями, через ельник, и вдруг перед ними открылась поляна. Папа склонился под еловой веткой и пропустил их вперед.

– Добро пожаловать в мое секретное место!

Прямо перед ними предстала рощица молодых березок. Тоненькие, худенькие, тесно прижавшиеся друг к другу березки напоминали поржавевшие уличные фонари, а между их стволами виднелось озеро.

– Что скажете? – спросил папа.

– Класс! – ответил Бенжамин.

Он не хотел показывать, что разочарован. Это ведь просто деревья.

– Сколько их здесь? – спросил Пьер.

– Не знаю, – ответил папа. – Несколько сотен.

– Так много! – восхитился Пьер.

– Подумать только, как нам повезло, – сказал папа, – что эти деревья растут именно здесь. Это очень необычно. Видов берез в Швеции много: повислые, пирамидальные, березы Юнга и всякие другие. А вот эти березы серебристые. – Он положил руку на ствол дерева и посмотрел вверх. – Это самые красивые березы. Запах веников из серебристой березы в бане не сравнится ни с чем другим на земле.

Бенжамин подошел и потрогал одно из деревьев. Он попытался отломать веточку, но та не поддавалась.

– Я покажу тебе, как это делается, – сказал папа. – Никогда не тяни ветку, не сломав ее. И ломай ее вниз, чтобы было за что держаться, если наступишь на горячие камни, выходя из воды.

Бенжамин наблюдал, как папа отламывает одну за другой ветки и собирает их в охапку в левой руке. Он делал это очень легко.

– Не стойте без дела, – сказал папа мальчикам, улыбаясь. – Помогайте!

Они ломали ветки в беззаботном молчании. Внезапно папа взглянул на лес, пробормотал «кукушка», услышав какие-то звуки, и все снова умолкли, поглощенные делом.

– А вы знаете, почему эти березы называют серебристыми? – спросил папа.

– Нет.

– Кажется, будто это название случайное, правда ведь? Нет в этой березе ничего серебряного. Листья зеленые, ствол серый. Но, говорят, ночью с ними кое-что происходит.

Отец присел на корточки и взглянул на кроны деревьев.

– При полной луне они меняют цвет. И если смотреть внимательно, можно увидеть, что листья сделаны из серебра.

– Правда? – спросил Пьер.

– Да.

Пьер смотрел на папу, широко распахнув глаза.

– Прекрати! – сказал Бенжамин и повернулся к брату. – Понятно же, что это сказка.

Папа засмеялся, потрепал Пьера по голове.

– Но история красивая, правда ведь?

Они ломали и собирали ветки, пока солнце не скрылось за стволами деревьев. Пьер снял бейсболку, отогнал мошек и принялся яростно чесать голову. Папа почти закончил.

– Ну вот, – сказал папа, довольно рассматривая свою охапку березовых веток. – Мне нужно десять березовых веников, которые я повешу сушиться на веранду бани. Они пригодятся нам, если мы когда-нибудь приедем сюда зимой, когда листьев на деревьях не будет. Я дам вам по пять крон за каждый веник, который вы свяжете.

Бенжамин и Пьер хлопнули друг друга по рукам, довольные тем, что у них появилось задание и они смогут заработать денег.

– Пойду, пропустим с мамой по бокальчику, – сказал папа. – Возвращайтесь, как только вам будет что мне показать.

И он направился к дому.

Бенжамин продолжал ломать ветки. Он пытался посчитать, сколько денег можно будет выручить за всю охапку. Десять веников – 50 крон, поделить на двоих. Затем он перевел деньги в жвачку: 50 эре за штуку, получится 50 жвачек, если съесть по одной штуке в день, хватит до конца лета. Он придумал один трюк. Однажды вечером, ложась спать, он положил жвачку на тумбочку у кровати, а проснувшись утром, снова засунул ее в рот и удивился, обнаружив, что к ней вернулся вкус, она стала почти как новая. Он словно перехитрил систему. Это открытие изменило его жизнь, он стал жевать одну и ту же жвачку по несколько дней. А потом он допустил оплошность – начал оставлять жвачки в таких местах, где их находила мама, и она строго-настрого запретила подобные дела.

Бенжамин сломал первую ветку и посмотрел на Пьера, который стоял с пустыми руками, нижняя губа его дрожала.

– Не получается, – сказал он. – Они не ломаются.

– Ничего. Я наломаю тебе.

– Но... – сказал Пьер. – Мне тоже деньги дадут?

– Да, поделим пополам.

Бенжамин сломал еще десять веток и отдал их Пьеру.

– А теперь пошли домой, покажем их отцу.

Они поспешили домой, зажав в руках охапки веток, промчались между елями, мимо дамбы, выбежали на луг перед домом и уже у подножия лестницы заметили за столом маму и папу, они казались островком теплого света в вечерних сумерках. На столе стояла бутылка вина. Папа только что ее открыл. Они положили ветки ему на колени.

– Браво! – сказал папа.

– Какие же вы молодцы! – сказала мама.

Папа осмотрел несколько веток, словно проверяя их качество. Он выложил на стол горку монет в пять крон. Бенжамин, увидев это сияющее богатство, весь покрылся мурашками. Папа взял по одной монетке и торжественно наградил ими сыновей.

– Может, будешь веники вязать, когда вырастешь? – спросила мама.

– Может быть, – сказал Пьер.

– Может быть, – повторила мама и рассмеялась.

Мама протянула руки к детям.

– Мои любимые, – сказала она и заключила их в объятия. – Вы такие молодцы, что делаете что-то вместе.

Она прикоснулась холодной щекой к горячему лбу Бенжамина. От мамы пахло репеллентом и сигаретами. Она прижала головы мальчиков к груди и провела рукой по их головам, а когда отпустила их, волосы растрепались, словно после сна. Мальчики застыли, не в силах отвести глаз от маминой улыбки.

– Первая летняя работа наших мальчиков, – сказал папа, и его глаза внезапно наполнились слезами, он весь лучился мягким светом. – Как это прекрасно! – пробормотал он, ища в кармане платок. Мама взяла его за руку.

– Скорей, мальчишки! – закричал отец, и мальчики бросились бежать. – Бегите и принесите еще! – кричал он, а братья уже одолели половину луга. Ноги сами несли их в этот летний вечер. Теперь дело шло быстрее, Бенжамин ломал ветки, и ему даже не нужно было смотреть, он просто бросал их на землю, а Пьер подбирал и связывал в пучки. Они связали два пучка

и побежали обратно той же дорогой, не сводя глаз с маленького огонечка на участке. Папа закричал:

– Они снова это сделали!

И мальчики побежали еще быстрее, взрывая юными ногами землю на тропинке.

– Мальчики снова это сделали!

Папа принял пучки, проверил их, а затем взглянул на детей.

– Вы просто березовые короли!

И они рванули в лес. Становилось темно, тропинка в лесу едва виднелась, ветки больно хлестали их по лицу. Добравшись до места, они увидели озеро за березами, похожее на светло-серую ленту.

– Может, камушки побросаем? – предложил Пьер.

Они прошли через рощу, спустились к озеру, по дороге толкали березки, чтобы те стучались друг о друга. Они прошли по берегу, чтобы отыскать подходящие камушки. Пьер бросил камень в воду, и на том месте, куда он упал, сразу же появилась рыба, на секунду показалась над водой и тут же исчезла в глубине.

– Привет! – закричал Пьер над озером, и эхо отразилось от высоких елей на другом берегу и вернулось обратно.

– Привет! – закричал Бенжамин, Пьер засмеялся.

– Березовые короли! – закричал Пьер во всю силу, и лес признал его правоту.

Другой берег скрылся в легкой туманной пелене. Пьер отшвырнул ногой камешек, прихлопнул комара на руке.

– Все хорошо? – спросил Бенжамин.

– Да, – Пьер удивленно посмотрел на него.

Бенжамин не знал, что сказать, он даже не знал, зачем задал вопрос.

– Будем еще ветки ломать? – спросил Бенжамин.

– Да. Наломаете мне?

– Конечно.

Совсем скоро они снова мчались по лугу, размахивая березовыми ветками над головами. Папа сидел у стола один.

– А где мама?

– В туалет пошла, – ответил папа, и Бенжамин поискал глазами темные кусты сирени, куда обычно ходила в туалет мама, когда ей не хотелось идти в дом. И действительно, она сидела на корточках, спустив брюки до колен, и смотрела на озеро.

– Ну, посмотрим-ка, что вы на этот раз принесли, – сказал папа, и мальчики протянули ему ветки. – Прекрасно, – сказал папа, проверяя их. – Завтра я научу вас вязать веники. Очень важно делать это правильно, ведь они будут висеть на улице и должны выдержать любую погоду.

– Как дела? – спросила мама, неожиданно появившись из-за кустов.

– Дети принесли веток еще на два веника, – сказал отец.

– Вот как, – сказала мама, садясь. Она потянулась за бутылкой и налила себе еще вина.

Она посмотрела на охапки веток в руках у папы, взяла одну из них и взвесила в руке.

– Что это? – спросила она.

Ее голос внезапно изменился, он стал жестким.

– Ваши охапки становятся все тоньше! Посмотрите на эту! – она показала мальчикам одну охапку. – Она в половину меньше, чем те, которые вы принесли в первый раз.

– Правда? – спросил Бенжамин.

– Даже не пытайся, – ответила мама. – Вы прекрасно все понимаете.

– Что? – спросил Бенжамин.

– Вам только деньги нужны, – сказала она. – Вы жульничаете!

– Please¹, – сказал папа; он всегда переходил на английский, когда хотел сказать что-то маме по секрету, – calm down².

– Нет, даже и не подумаю успокаиваться, – сказала мама. – Это отвратительно!

Она внимательно посмотрела на детей.

– Вам нужны деньги? – она взяла стопку монет в пять крон, поймала Пьера за руку и втиснула их все в его ладонь. – На! Забирай!

Она встала, взяла сигареты и зажигалку.

– Я пошла спать!

– Любимая, – закричал ей вслед папа, когда она исчезла в доме. – Come back please³!

Пьер положил деньги обратно на стол. Папа сидел на стуле, уставившись на стол. Березовые ветки валялись на земле у ног мальчиков.

– Мы не нарочно, – сказал Бенжамин.

– Я знаю, – сказал папа.

Он встал и задул одну за другой свечи, в спустившейся темноте повернулся к озеру, широко расставив ноги, и замолчал. Бенжамин и Пьер тоже замерли.

– Я знаю, что нужно сделать, чтобы порадовать маму.

Папа повернулся к детям, опустил на колени рядом с ними и зашептал:

– Нарвите ей цветов.

Пьер и Бенжамин не ответили.

– Поставьте букет возле двери спальни. И она обрадуется.

– Но ведь уже темно, – сказал Бенжамин.

– Большой букет и не нужен. Маленький, для мамы. Сможете?

– Да, – пробормотал Бенжамин.

– Соберите лютики. Мама их любит. Маленькие, желтенькие, ну, сами знаете.

Бенжамин и Пьер стояли и смотрели, как папа перекладывает еду с тарелки на тарелку и собирает посуду, чтобы отнести ее в дом. Он взглянул на детей, удивляясь, что они все еще стоят на месте.

– Ну, идите же! – прошептал он.

Бенжамин и Пьер спустились на луг. Лютики были повсюду, в темноте они светились, как матовые лампочки. Летняя ночь обдавала прохладой, трава стала влажной. Бенжамин собирал цветы, наклонившись, и не думал о Пьере, поэтому прошло какое-то время, прежде чем он заметил, что Пьер стоит на коленях посреди луга с тремя лютиками в руках и беззвучно плачет. Бенжамин обнял его, прижал к груди, почувствовал, как содрогается в рыданиях его младший брат.

– Иди ложись, – прошептал Бенжамин. – Я все соберу.

– Нет, – ответил Пьер. – Мама хочет цветы от нас обоих.

– Я наберу на двоих. Мы скажем, что это от нас обоих.

Пьер в темноте побежал по склону, а Бенжамин наклонялся к влажной траве то тут, то там, пытаясь разглядеть цветы; он так близко нагнулся к земле и к букашкам, что почувствовал у себя на животе собственное дыхание. Он взглянул на дом и увидел, как Пьер вошел внутрь, как зажегся свет. Он подумал, что два окна, обращенные к озеру, похожи на глаза. Лестница – на зубы, кривой ухмылкой дом улыбался Бенжамину. Потом он посмотрел на огромные ели и представил, как бы он выглядел оттуда, с верхушки дерева. И как выглядел бы дом: старая крыша, камни возле погребка, симметрично посаженные кусты смородины – сверху симметрия должна быть хорошо заметна, газон, ковром спускающийся к воде, и маленькая черная точка

¹ Пожалуйста (англ.).

² Успокойся (англ.).

³ Вернись, пожалуйста (англ.).

на лугу – он сам, занятый чем-то непонятным в ночи. А там, там, за дамбой, за тысячью елей, огромное серое неизвестное пространство. И Бенжамин последовал за лютиками, позволил им вести себя, добрался до края луга и зашел в лес, не отводя глаз от земли. Он собирал цветы, не думая о том, куда они ведут его, и внезапно оказался возле молодой березовой рощицы. Полная луна проглядывала между стволами деревьев, налетел ветер, деревья зашелестели. Бенжамин шагнул назад, и, когда деревья зашумели, он прикрыл глаза ладонью, чтобы не ослепнуть. Темную рощу заливал блестящий дождь, деревья пылали в серебряном пожаре.

Глава 7

18:00

Бенжамин смотрит в бане на голую спину Нильса. Родинки, словно коричневые дробинки, рассыпаны между лопатками. В детстве они сильно беспокоили Нильса, он постоянно мазал их разными кремами, берег от солнца. А мама все время напоминала ему, что их нельзя расчесывать. Когда Нильс читал у воды или загорал, лежа на животе, Пьер и Бенжамин частенько подкрадывались к нему и сильно чесали ему спину, а Нильс злился и отмахивался от них.

Впервые с детских лет он видит своих братьев голыми. У Пьера пенис абсолютно голый. Ни единой волосинки. Бенжамин видел такие в порнофильмах, но в реальной жизни отсутствие волос выглядит очень необычно. Он смотрит на свой собственный пенис, мертвый орган, коричневый кусок кожи, спрятавшийся в окружающих его волосах. А пенис Пьера лежит на скамье и пульсирует, словно живет собственной жизнью, маленькое склизкое создание. Пьер, видимо, замечает, что Бенжамин на него смотрит, потому что он обматывает себя вокруг пояса полотенцем.

– Я и не знал, что у тебя столько татуировок, – говорит Бенжамин Пьеру. – Некоторые из них я даже не видел.

– Да? Я подумываю свести парочку.

– Какие?

– Ну, например, вот эту.

Он показывает на сжатый кулак с надписью: *Save the people of Borneo*⁴.

– А от чего страдают жители Борнео? – спрашивает Бенжамин.

– Ни от чего, – отвечает Пьер. – Именно поэтому она мне и понравилась.

Бенжамин смеется. Нильс, улыбаясь, качает головой, смотрит вниз на свои ступни.

– Однажды по пьяни я попросил татуировщика нарисовать мне стрелку, смотрящую на член, и написать: *It's not gonna suck itself*⁵.

Три брата смеются в унисон, три бульканья, перетекающих друг в друга. Нильс смотрит на термометр на стене и говорит:

– Девяносто градусов.

– Мне нужно передохнуть, – говорит Бенжамин и выходит. Останавливается на веранде. На стене висят в ряд шесть сухих березовых веников. Бенжамин прислоняется к выгоревшей стене и смотрит на них. Он протягивает руку к последнему венику, чуть меньше остальных, и осторожно проводит по острым сухим листьям.

Нильс выходит из бани.

– Айда купаться! – кричит он, спрыгивает с маленькой веранды, ойкает, наступив на что-то колючее, и останавливается прямо у воды. Бенжамин думает, что Нильс очень похож сейчас на себя самого в детстве, в те летние дни, когда папа возмущенно кричал ему из бани, что нужно искупаться, что вода прекрасная, чего же он ждет, папа кричал все громче и громче, он просто выходил из себя от возмущения, от того что его сын не может просто запрыгнуть в воду, и в конце концов Нильсу это надоело, и он просто уходил, так и не искупавшись. Пьер распахивает дверь в баню, выскакивает из жары и мчит к озеру. Он бросается в воду, вытянув вперед руки, шипит «Чёрт!», наступив на камень и почти падая. Потом он ложится на воду и плывет – очень красиво, долгими движениями загребая воду. Бенжамин спускается к воде и встает рядом с Нильсом. Вода низко, наверное, недавно открывали дамбу. Между

⁴ Спасите жителей Борнео (англ.).

⁵ Сам себя не отсосет (англ.).

камнями он замечает маленького окунька, он лежит на боку в мокрой гальке, видимо, не успел удрасть, когда спустили воду. Бенжамин наклоняется и берет рыбу в руки.

– Смотрите, – говорит он.

Он осторожно опускает рыбу в воду, смотрит, как та медленно двигается и переворачивается то вверх, то вниз. Рыба покачивается, ее белый живот поднимается почти до поверхности воды. Бенжамин пальцем подталкивает рыбу, пытаясь развернуть ее правильно. Она какое-то время лежит на боку, он видит, как колыхнутся ее жабры, рыба жива, но у нее не получается поймать баланс, она все время вертится то вверх, то вниз. Еще с детства Бенжамин боится рыб. Он любил рыбачить, но ненавидел, когда клевало. Рывки, когда рыба тянула удочку. Ощущение, что на той стороне есть кто-то живой, кто-то, обладающий сознанием. А когда рыба показывалась на поверхности, билась так, что вода вокруг нее вскипала, боролась за свою жизнь, Бенжамин чувствовал почти экзистенциальный ужас. Папа помогал убить и разделать рыбу. Этот процесс, когда отец клал рыбу животом вверх на скамью и делал разрез ножом.

– Это просто рефлекс, дети, – говорил он, пока рыба билась у него в руках, а она продолжала биться, и он вонзал нож глубже, сильнее, продолжая повторять детям: «Она ничего не чувствует. Она уже умерла». Пару раз рыба билась так долго, что даже папа занервничал, у него забегали глаза, он не знал, что делать.

Эта удивительная перемена от варварства к мастерству в том, как отец обращался с рыбой. Как грубо он вышвыривал внутренности в озеро и как осторожно, при полнейшей тишине, вычищал желчный пузырь, чтобы желчь не испортила вкус рыбы.

Бенжамин сидит на корточках у воды, подталкивает рыбу еще раз. И еще раз.

– Ну давай, рыбешка, – шепчет он. – Я буду бороться за тебя!

Она лежит уже почти правильно, колыхается на воде, но вот ей удастся проплыть немного, она на мгновение замирает. И вот она уже в озере. Внезапно рыба всплескивает и исчезает в глубине.

Бенжамин смотрит на брата.

– Ага, – говорит Бенжамин. – Вот так-то.

– Да, так-то вот, – отвечает Нильс.

И они плывут, плывут рядышком, всего несколько движений ногами, и они поднимаются из воды, три брата, вместе.

– Ну что, еще разок зайдём в баню? – спрашивает Нильс.

– Конечно, – говорит Пьер. – Кишочки только в озеро опустошу.

– Твою мать, – бормочет Нильс и торопится выйти на берег.

Пьер хохочет.

– Да черт побери, шучу я!

Все вместе они заходят в баню, смотрят в маленькое окошко на воду.

– А не здесь ли мы закопали нашу капсулу времени? – спрашивает Пьер.

Бенжамин поднимается и смотрит.

– Да. Прямо под деревом, мне кажется.

Он вспоминает старую металлическую хлебницу, которую дал им отец, они с Пьером набили ее артефактами и закопали глубоко в землю. Это был научный проект, смысл которого в том, чтобы оставить потомкам важную информацию о жизни людей в XX веке.

– Надо ее достать, – говорит Пьер.

– Это будет непросто, – отвечает Бенжамин.

– Почему это? Просто надо копать!

– Но мы же не знаем точно, где ее закопали.

– Да ну! – говорит Пьер. – Я достану!

Он выскакивает из бани, братья видят, как он проходит по лужайке под окном. Он встает на колени и начинает яростно копать голыми руками. Ему удастся достать немного земли, он

отбрасывает ее в сторону и пробует снова, но получается плохо, это сразу понятно, он копает, но не продвигается глубже верхнего слоя. Какое-то время он сидит в задумчивости, а потом встает и бежит в сторону сарая.

– Что он делает? – спрашивает Нильс.

– Да он с ума сошел! – отвечает Бенжамин.

Нильс тянется за ведром и выливает на камни воду, поднимается пар, и Бенжамин видит, как у него на груди выступают капельки пота.

– Как тебе здесь? – спрашивает Нильс.

– Не знаю, – отвечает Бенжамин. – Одна часть меня говорит мне, что я вернулся домой.

А другая часть кричит мне, чтобы я убирался отсюда подальше.

Нильс смеется.

– У меня так же.

– Удивительно снова видеть это место, – говорит Бенжамин. – Я мысленно был здесь столько раз. Прокручивал случившееся в голове снова и снова. И вот...

Он смотрит в окно.

– Это было странно, – говорит Бенжамин.

– Бенжамин, – говорит Нильс. – Мне очень жаль.

Они смотрят друг на друга, но сразу же отводят глаза. Нильс снова выливает воду на камни, они шипят, Нильс просит их умолкнуть.

Пьер снова появляется под окном. В сабо и с лопатой в руках. Он всматривается в окошко бани и машет руками над головой. Он всаживает лопату в землю так мощно, что пенис подпрыгивает и опускается ему на бедро. И он начинает копать. Он потный и плохо понимает, что делает, с каждым движением он издает утробный звук, усиливающийся до громкого стога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.